

ДОПЕТРОВСКАЯ
РУСЬ

АНДРЕЙ
БУРОВСКИЙ
ПРАВДА
О ДОПЕТРОВСКОЙ
РУСИ

Допетровская Русь

Андрей Буровский

Правда о допетровской Руси

«Алисторус»

2018

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Буровский А. М.

Правда о допетровской Руси / А. М. Буровский — «Алисторус»,
2018 — (Допетровская Русь)

ISBN 978-5-907024-11-3

Еще в Российской империи о допетровской Руси создан своего рода миф: якобы до прихода Петра вся русская земля находилась во мраке и невежестве, сохраняла варварские, почти языческие, обычаи и совершенно не двигалась вперед; не развивалось ни управление государством, ни армия, ни культура. Однако в своей книге известный российский историк Андрей Буровский развенчивает этот миф, созданный, чтобы доказать необходимость кровавых «реформ» Петра. Он доказывает, что подлинным «золотым веком» России был XVII в., когда страна была гораздо ближе к Европе. Если бы Московское царство не было уничтожено Петром-антихристом, возможно, в истории России было бы куда больше светлых моментов.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-907024-11-3

© Буровский А. М., 2018
© Алисторус, 2018

Содержание

Введение	6
Часть I	8
Глава 1. Московия в «бунташный век»	8
Московское царство Русского государства	8
Пространства огромной страны	9
Люди и их занятия	11
Люди и их отношения	12
Непререкаемая власть обычая	13
Обычай начинает «ломаться»	15
Крепостное право	17
Посадские люди	21
Служилые люди	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Буровский

Правда о допетровской Руси

© А.М. Буровский, 2018

© ООО «Издательство Родина», 2018

Введение

Главное не то, что делает из человека природа, а то, что он сам делает из себя.

И. Кант

Один из важнейших исторических мифов и Российской империи, и СССР – миф о «допетровской Руси». Якобы до «пришествия Петра» наша земля прозябала в кромешном мраке, дикости и невежестве.

Московия до Петра официально описывалась исключительно в черных красках, как общество самое дикое и примитивное, какое только может быть на свете, рассадник совершеннейшего мракобесия и звериной жестокости.

Управляли этой несчастной страной болезненно жирные, звероподобные бояре в шубах, тупые нечистоплотные дьяки. Их подданными были еще более тупые, замордованные мужики, рвавшие шапки долой при виде боярина и дьяка. В этой страшной стране не было ни нормального управления, ни современной для того времени армии, ни светской литературы, ни даже зеркал.

«Пришествие» Петра полагалось считать важнейшей вехой русской истории. До Петра все было плохо. После Петра все стало хорошо.

Примерно как в перефразированном стихе Ломоносова:

Россия тьмой была покрыта много лет.

Бог рек: да будет Петр – и бысть в России свет.

Даже критикуя грязь и кровь петровских горе-«реформ», историки мало сомневаются в главном – что допетровская Русь была царством дикости и безобразия. Что ломать ее было совершенно необходимо. Ну что поделаться, если для блага самих же русских людей было «необходимо» зверски истреблять «противников реформ», грабить церкви, разорять и доводить до полного отчаяния, до бегства из России миллионы людей.

Серьезные историки не идеализируют русского XVIII века, особенно его первой половины. Не идеализируют и самого Петра: грубого, невежественного, патологически жестокого, вечно пьяного. Но получается так, что «допетровская Русь» оказывается еще хуже государства, которое сложилось к 1725 году, страшнее вымирания целых уездов, безумнее Всепьянейшего собора. Ведь если до Петра было на Руси хоть что-то здоровое и ценное, то и учиненный им погром лишается смысла и оправдания.

До сих пор у нас отношение к допетровской Руси строится простое – эмоционально-негативное. Без обсуждения, без серьезного изучения этой самой «допетровской». Есть набор стереотипов – и пусть они остаются навсегда. Иначе слишком многое в истории приходится пересмотреть.

К тому же в России сложилась устойчивая традиция: любят у нас «разоблачать». Было плохо? Нет! – доказывает очередной публицист или историк. Было еще хуже, чем мы думали!

В этом смысле моя книга – это своего рода «книга наоборот». Я «разоблачаю» не русский XVII век, а как раз его «разоблачение». Потому что стоит посмотреть на Московию XVII столетия «незамысленным» взглядом, и мы увидим вполне европейское, совершенно не «отсталое» общество. Не будем даже говорить о задворках Европы: о Корсике или об Ирландии. Очевидно, что Московия XVII века богаче их, цивилизованнее, культурнее. Но вот явный лидер «прогресса» – Великобритания. Сколько людей выбирало в парламент? 2 % британского насе-

ления. А на Московской Руси царей выбирают 5–6 % всех жителей. Сколько статей Уголовного кодекса Британии предусматривают смертную казнь? 238. А Московии? «Всего» 60 статей. Московия даже на фоне Британии выглядит так, что возникает вопрос: а кто тут, собственно, цивилизованный?

В обществе допетровской Руси число лично свободных людей огромно, а книжное учение, Просвещение, весь XVII век становятся все более престижными. Это общество, в котором частная инициатива, образованность и ум все более и более подируются. В Московии есть и торговый капитал, который, хоть убейте, принципиально ничем не отличается от голландского и шведского... Есть и капиталистическое производство, тоже неотличимое от германского или скандинавского.

Дворяне и горожане Московии не стремятся ограничить власть царя и ввести конституцию. Но не потому, что примитивны. Власть царя на Московии и так ограничена Боярской думой и Земскими соборами не меньше, чем власть британского короля – палатой лордов и палатой общин.

Ведь и уже после Петра, в XVIII веке, верные слуги государевы «вдруг оказываются» преданы очень европейским по духу идеям. Если верить распространенным сказкам о России, то декабристы стали первым поколением революционеров: ведь это «третье непоротое поколение дворян», которое во время походов 1813–1815 годов побывало в Европе – и заразилось ее духом.

Но почти за сто лет до декабристов, в 1730 году, русские дворяне хотят ограничить власть царицы Анны Иоанновны! «Нахвататься» таких идей из Европы они не могли, никаких походов в Европу еще нет, и действуют они, явно исходя из собственных национальных представлений.

А что удивляться? Петру приписывают создание современных армии и флота: до него якобы и флота не было, и армия была – нерегулярное, почти не обученное дворянское ополчение.

Но русские флоты бороздили моря за много лет даже не до воцарения, а до рождения Петра. Армейские уставы, генеральские чины и регулярная армия создавались сразу после Смутного времени, едва воцарились Романовы в 1613 году.

Разумеется, были у нас до Петра и пресловутые зеркала, и светские живописцы, и театры.

Да, русские XVII века носили косоворотки, лапти и шапки, в том числе и боярская аристократия. Дочери и жены бояр, князей и царей – сарафаны поверх посконных рубах... Но чем россияне по существу, а не по форме отличаются от остальных европейцев?! Ведь норвежцы тоже выглядят и ведут себя совсем не так, как итальянцы. Французы и поляки далеко не всегда так уж хорошо понимают англичан, да и одеваются заметно иначе.

Какой же она была, допетровская Русь? В какой степени тупой и кондовой? В какой степени передовой и «прогрессивной»? Может, нам пора не считать допетровскую Русь царством убожества и дикости? В общем, пора изучить ее получше, рассмотреть повнимательнее. Я приглашаю читателя в эту Русь. Посмотрим, какой она была, из какой страны мы вышли. Какое общество породило Российскую империю, а тем самым – и нас с вами!

Часть I

Страна, в которой правили Романовы

*Наши предки чем древнее,
Тем больше съели батогов...*
А.С. Пушкин

Глава 1. Московия в «бунташный век»

*Люблю тот край, где зимы долги,
Но где весна так молода,
Где вниз по матушке по Волге
Идут бурлацкие суда.*
Граф А.К. Толстой

Московское царство Русского государства

Начать наше повествование придется с того, что Петр никогда не царствовал ни в России, ни в Российской империи и при всем желании не мог реформировать государственный и общественный строй и той, и другой. Россия – огромная страна, в конце XVII века простершаяся от Карпат до бассейна Амура, от Соловецких островов до Дикого Поля. Формально Московское государство занимает большую часть этой колоссальной территории, но только формально, потому что 3/4 ее площади занимают земли Севера и Сибири, практически не населены и служат в основном для выкачивания минеральных и пушных богатств.

Если же взять территории, на которых постоянно живут и занимаются земледелием русские люди, то есть историческую Россию, то всего лишь половину России занимала Московия.

В 1613 году Михаила Романова возвели на престол «Московского царства Русского государства». Все понимали, что Московское царство – только часть Руси. Московия Романовых возникла в 1613 году. Она политически очень отличается от Московии Рюриковичей, которая прервалась еще в конце XVI века, после смерти последнего царя Рюриковича, сына Ивана Грозного, Федора Ивановича.

Петр пришел к власти в Московии, будучи четвертым царем из династии Романовых. Большую часть даже прочно заселенной русскими части Московии составляли земли, недавно присоединенные, еще малообжитые и отдаленные от центра страны: Заволжье и Приуралье, Астрахань и Башикия. Это страна с суровым климатом, бедными почвами и потому редким населением. Даже «исконные русские» земли в междуречье Волги и Оки гораздо более холодные и менее населенные, чем земли Западной Руси – современных Белоруссии и Украины.

То, что мы сегодня привыкли считать неотъемлемой частью Руси, – теплые степные районы Южной России – в то время вовсе не являлось Русью. Русь очень хотела бы эти земли заселить: они теплые, урожайные, очень привлекательные для коренных земледельцев. Но вся степная зона Европы, от Кавказа до венгерской Пушты и от побережья Черного моря до пояса широколиственных лесов, – спорная зона. Мусульманский мир и не в силах, и не особенно хочет осваивать эти богатейшие земли, но он в состоянии поддерживать бесчисленные кочевые племена во вражде к христианскому миру, особенно к Руси, к Речи Посполитой и к Австрийской империи.

Расширяясь, Османская империя завоевала весь Балканский полуостров – земли греков, фракийцев-албанцев, славян. Пыталась захватить и земли венгров, воевать с Восточной империей – Österreich – Австрией, владениями Габсбургов, с Речью Посполитой. Крымское ханство стало вассалом Турецкой империи, Казанское ханство и Ногайская орда приняли ислам, и вся окраина христианского мира превратилась в поле охоты на рабов.

Жить даже в сильных городах типа того же Белгорода было опасно: никто ведь не знает, когда и какому хану понадобится устроить особенно большой набег. В ходе крупного набега татары брали и сжигали не только деревни и отдельные заимки, но и крепости и города. Случалось, не удавалось отсидеться и в Белгороде. А уж переселиться в степь, распахать там клин земли (чернозем – полтора аришина, урожай – сам-12) означало играть со смертью.

В результате вся степная зона – это не Московия и вообще не Русь. Самые южные форпосты Руси – это Воронеж, город-крепость на реке, северный берег которой покрыт дубравами, а южный – степной. Это Белгород, ставший в 1596 году центром Белгородской черты – системы укреплений, поставленной против крымских татар. Это Тамбов, построенный как крепость в 1635 году. За ними лежат практически ненаселенные, пустые земли.

А вот современные Украина и Белоруссия – это Русь! Об этом я писал в своей другой книге, «Русская Атлантида», и не буду рассказывать подробно, но тогда только начали формироваться нынешние народы – украинцы и белорусы. Жители Западной Руси называли себя русинами, русскими, и православные братства во Львове, Гродно и Вильно становились добровольной агентурой православной же Московии.

Московия, в которой развернулись описанные в этой книге события, – это часть исторической Руси. Но чтобы правильно понимать эти события, надо всегда помнить, как отличалась география XVII века от современной.

Пространства огромной страны

Московия XVII века объективно гораздо меньше страны, которую мы сегодня привыкли называть Россией. Даже Орел, Серпухов и Новгород, сердце страны, – это ее дальняя периферия, а не «самый центр», как сегодня.

Но субъективно эта страна больше, чем сегодня! Россия, конечно, не стала меньше за 300–400 лет... Но там, где сегодня проложены железные и шоссейные дороги, в XVII веке тянулись разбитые проселки – примерно такие же, как в наше время тянутся по всем сельским районам, соединяют деревеньки или теряются в полях.

Все это – дороги без покрытия, и все они зависят от погоды так же точно, как в наши дни – такой проселок.

Мы сегодня едем из Москвы в Калугу четыре часа на электричке. А в XVIII веке ехали четыре дня на лошадях, и ехали медленно, потому что дорога мало напоминала автостраду.

Римляне строили дороги, отсыпанные гравием, выложенные булыжником. Строили так хорошо, что их дороги пережили разруху Средневековья и их использовали еще в XV, XVI или том же XVII веках. Чинили, покрывали асфальтом, а главное – с XV века в Европе начали строить новые дороги с покрытием, уже не имевшие никакого отношения к римским.

Впрочем, таких дорог и в Европе в XVII веке очень, очень мало: дай бог, одна миля на сотню. Остальные дороги во всей Европе ничем не отличаются от российских и полностью зависят от погоды. В сухое время проехать от Парижа до Марселя можно за две недели, а вот между сезонами тот же путь проделать можно было разве что за два месяца. В теплой Франции, испытывающей сильнейшее воздействие океана, «демисезон», «между сезонами», имеет множество значений. Это и погода, и тип одежды («демисезонное пальто»),

и образ жизни в периоды, когда и не холодно, и не особенно тепло. В недавнем историческом прошлом это были еще и периоды, когда лучше не трогаться с места.

Так что в Европе дороги еще хуже, чем в Московии, уже потому, что во Франции, даже в Германии нет зимников. Накатанный снег надежнее земли, несколько месяцев в году по Московии неплохо ездить в санях. Чем севернее, тем дольше удается это делать.

Но Францию спасают ее размеры – все-таки в сравнении с Московией это небольшая страна. А по Московии так и ездят – два месяца из Москвы до южных пределов государства. Два месяца – до северных пределов... Вернее, даже не до пределов, а до тех мест, где вообще исчезают хоть какие-то дороги. Скажем, от Пустозерска уже проехать никуда нельзя – ни на восток, ни на запад, ни на север: туда нет дорог – вообще никаких, совершенно.

Есть выючные тропы, по которым можно идти и вести лошадь в поводу; или ехать верхом, прикрепив к седлу верховой лошади привязь идущей сзади выючной.

А на восток от Урала открывается вообще ледяная беспредельность – до Томска, Омска едут год. Год! До Иркутска из Москвы едут два года – трясутся в телеге, вышагивают рядом с возком, пережидают разливы рек, сильные морозы и дожди. Воевода, назначенный в Якутск в 1630 году, добирался от Москвы до Якутска три года и приехал на место назначения только в 1633 году.

Здесь, впрочем, вопрос не только о пространстве, но и о времени – не только о пространствах страны, но о том темпе, в котором она живет. Никто никуда не торопится, не спешит... Зачем спешить, если и так все ясно – и потом, в будущем, будет только то, что есть сейчас, а сейчас есть только то, что уже было. Люди будут другие, но как повторяется годовой цикл, так повторяются и стадии их жизни – детство, отрочество, юношество, зрелость, старость... И так же неизменно повторяются условия их жизни, такие же, как при Иване Грозном, как при Александре Невском, как при Ярославле Мудром...

Если нет личности, которая хочет успеть реализовать себя, за короткие десятилетия прокричать миру уникальное и сокровенное – куда и для чего спешить?

Громадностью страны в Московии пока не научились гордиться – слишком мало знают о других странах, нет материала для сравнения. К тому же громадность страны дает ей очень мало преимуществ перед другими, а вот минусов – очень много. По колоссальным пространствам раскидано редкое население. Людей мало, исключительно мало! Мы привыкли считать Россию более населенной страной, чем любую из стран Европы, но тогда все было наоборот. Примерно 14 миллионов людей живет в Московии к первой в ее истории переписи – в 1683 году. Во Франции тогда же живет порядка 20 миллионов, в Италии – 15 миллионов, в Германии – все 25, а в Речи Посполитой – порядка 16 миллионов.

Все эти люди очень мало контактируют друг с другом. В более населенных странах – на Западе ли, на Востоке ли – любые сведения о чем-то новом: об открытиях, происшествиях, изобретениях и придворных интригах – передаются быстро: их есть кому передавать. Слух пройдет по Франции, по Китаю, ослабевая и останавливаясь только там, где людей меньше, где просто нет того, кому можно рассказать новость, – в горах Цибайшань, на вершинах гор Корсики.

Россиянин привыкает к тому, что я рискнул бы назвать «информационным одиночеством». Слишком многое надо сохранить независимо от других людей... Значит, надо быть особенно консервативным! Приходится жить самому по себе, храня любые сведения о мире и старательно отбирая, что запоминать, а что нет.

Кроме того, если в одной части страны недород, нет никакой возможности перекинуть голодающим хлеб. Если голод велик, если недород несколько лет – голодающие разбегаются из несчастливого района в более благоприятные, так у них большие надежды спастись. Но хлеб везти трудно, часто почти невозможно. Страна торгует, обменивается плодами ремесел и

земледелия, но большую часть продуктов потребляют там, где произвели: слишком трудно перевезти что-то тяжелое – тот же хлеб.

Страна делилась на уезды, а уезды – на волости. Уезды были очень разные по размеру и населению – как исторически сложились. Большие, как Суздальский, населяли десятки тысяч людей; вокруг Москвы лепились маленькие (Коломенский, Серпуховской, Рязанский), населенные тысячами людей.

Волости-губы после Губной реформы 1555 года обрели некоторые демократические права самоуправления. И раньше сыск и суд по уголовным делам в губе передавался «выборным головам», то есть губным старостам из числа дворянства или детей боярских. В помощь им из «лучших» крестьян выбирались «губные целовальники». Это забавное слово «целовальник» подразумевает того, кто «целовал крест», давая клятву выполнять какую-то работу или следовать назначенным правилам. Целовальник, даже если он не давал «целовальной записи», – это лицо, давшее клятву в присутствии священника, «на том крест целовав».

А после Губной реформы в ведении губных учреждений были почти все уголовные дела, составление кабальных книг, надзор за общественным порядком, почти все полицейские функции.

Правда, в середине XVII века, когда во все крупные города стали ставить городских воевод, губное самоуправление, да и сами волости утратили свое значение. Ведь воеводы сосредоточивали в своих руках всю полноту власти на местах, у них был свой аппарат и свои воинские отряды для поддержания того, что воеводы считали порядком.

В XVII веке воеводы с их отрядами были на местах самой существенной, самой реальной силой, а губные старосты – только лишь их помощниками.

И еще одно следствие громадной территории страны: ее экономическое и социальное развитие происходит очень уж неодинаково. В центре страны, где города не так редки, вдоль главнейших дорог, соединяющих культурные центры, по берегам рек, которые тоже играют роль транспортных артерий, жизнь людей, их занятия, их образ жизни – словом, решительно все – современнее, интереснее, умнее, цивилизованнее. В отдалении от центров и вдали от основных дорог, в глуши лесов как бы застывает предшествующая эпоха. Заволжские леса отстают от Москвы и Твери на десятилетия, если не на века. В Новгороде и Владимире спорят о просвещении – в лесах и степях Сибири царит совершенно другая эпоха, давно минувшая в центрах страны.

В этих условиях Москва, столица, начинает играть совершенно исключительную роль, и абсолютно закономерно. Стране нужен центр, в котором будут приниматься значимые решения, важные для всей страны. Приниматься оперативно: ведь если нападёт враг, нет времени собирать ни парламент, ни Земский собор, вести обсуждения, прения и дебаты. Получается так, что Московии необходим единый центр, в котором будут приниматься решения за всю страну.

Есть много резона в старом высказывании Ивана Ильина о том, что лучший способ превратить Россию в демократию – это превратить ее из огромной континентальной страны в маленький океанический остров наподобие британского. Реалии такой страны, как Московия, делают ее политическую традицию поневоле автократичной, жесткой, выдвигая на передний план не коллективные решения, а решения группы высших чиновников и аристократов.

Люди и их занятия

Уже в XIII–XIV веках в Волго-Окском междуречье распаханы ополья – неизвестно почему, какими силами природы сохраненные участки лугов посреди леса. Всю остальную землю Московии надо сначала освободить от леса, а уже потом распахивать.

До XV века господствовало подсечно-огневое земледелие. Сельский хозяин искал особенно урожайное, исключительно выгодное место и там подсекал все деревья. Лес высыхал, и в одну из весен его поджигали, чтобы зола удобрила серую лесную почву. Иногда лес валили, подрубая стволы высоко, примерно на уровне груди. Но и в этом случае тратить времени на корчевку никто не хотел: так его и пахали, этот участок, объезжая сохой черные остовы деревьев.

Первые два-три года урожайность на таком участке была сам-13 и даже сам-50 – то есть собирали в тридцать раз, в пятьдесят раз больше, чем посеяли. Потом участок истощался, и его забрасывали; задача сельского хозяина за эти два-три года была в том, чтобы найти и подготовить следующий участок...

В тогдашней Московии нет черноземов, нет роскошной кипени садов, как на богатой Украине. Подзолистые почвы – само слово говорит что-то, не правда ли? Почвы, похожие на золу: бесструктурные, нищие, мышинного серого цвета. Словно зола на ладони. Когда берешь в руку щепоть воронежского или полтавского чернозема, потом приходится мыть руку, а тут подзолы, как зола или песок, просыпались между пальцами, совершенно не испачкав их гумусом. Нет органики в этой почве.

Население росло, приходилось возвращаться на уже использованные участки, а еще позже – жить полностью оседло, используя все время одну и ту же землю. Земли надо было много, и деревни приходилось разбрасывать далеко друг от друга. Деревни маленькие, окруженные лесом и живущие не только земледелием, но и сбором ягод и грибов, рыбной ловлей и охотой. Лес в Московии и в XVI и в XVII веках оставался важным полем деятельности, постоянным местом пребывания. В лес шли влюбленные, в лес «уносили скуку», в лес бежали те, кто не сумел жить в мире с остальными.

А бедная земля нуждалась в постоянном удобрении, и даже скот разводили не только и не столько для молока, сметаны и масла, сколько для удобрения – навоза. Навозная система земледелия позволила перейти от подсечно-огневого метода к двухполью или трехполью.

При двухполье одну половину земли засевали, а вторую оставляли отдыхать, перепашивая с навозом. При трехполье треть земли отдыхала, вторую треть засевали яровым хлебом, а последнюю треть – озимыми.

Урожайность в Московии редко превышала сам-5, а чаще всего была сам-3. Орудия труда – примитивнейшие! Деревянная соха – это, по существу, просто выгнутый кусок дерева, и только. Бороны – длинная палка, в которой накручены дырки, а из дырок торчат прутья. Никакого полива, никакой защиты урожая. Работа на рывок, отсеялись... и положились на Господню волю. Взойдет – так взойдет. Вызреет – так вызреет. Как будет, так пускай и будет.

Но работа даже такими орудиями, в полной зависимости от погоды, давала хоть какой-то результат: ведь земли было очень много. Плохой, малоурожайной, но «зато» распахать можно было почти столько, сколько физически мог хозяин. 10–20 гектаров – это огромное хозяйство для Франции, Германии, даже для Польши. И это очень немного для Московии, где пространства необъятны и земля не принадлежит никому. В Московии распахивали и по 20, и по 30 десятин, получая с них меньше хлеба, чем во Франции с 10.

В конце XVII века примерно 12 или 14 миллионов человек жили в Московии. Более 90 % из них – сельские жители, крестьяне.

Люди и их отношения

Жить одному среди бескрайних лесов опасно – слишком многое могло случиться с человеком, слишком подвержен он случайностям. В Германии атрибуты первобытнообщинного строя – большая семья и община-марка – исчезли еще в конце XIII века. В Московии родоплеменной строй и в XVII веке вовсе не ушел в прошлое. Жили семьями, в которых братья не

выделялись со своим хозяйством, а вели общее; несколько десятков человек составляло один хозяйственный организм во главе с патриархом – большаком. Большак командовал коллективом из порой нескольких десятков детей и внуков, распоряжался и временем, и силами всех, и всеми материальными ресурсами рода. Большак сносился с властями и представлял перед властями всю семью; власть большака была непререкаемой и для семьи, и для властей.

Власть общины определяла жизнь человека с момента рождения и до самой смерти. Земля принадлежала общине, и судьба отдельного человека тоже принадлежала общине. Община решала, где будет пахать и сеять какая семья; община «раскладывала» налоги и повинности, устанавливая, кто будет мостить дороги, а кто – подвозить государственных чиновников. Община присутствовала при всех событиях в жизни человека, от рождения и до смерти. Община бдительно следила, чтобы никем и никогда не нарушались обычаи, идущие от дедов-прадедов.

В деревнях, как правило, маленьких, отделенных днями пути друг от друга, живет примерно 95 или 96 % населения страны – ее крестьянство. Классическое представление, сообщаемое россиянину еще в средней школе, что крестьянство было на Руси самым отсталым и консервативным классом общества и несло в себе представления, возникшие еще в эпоху первобытнообщинного строя.

Непререкаемая власть обычая

Писаных законов было мало, да крестьяне и знали их плохо. Да и зачем? Крестьянство жило по обычаю.

Было раз и навсегда определено и всем на веки вечные известно, как «надо» относиться к самому себе, к своим родственникам, всему роду, общине, приказам и приказным людям, к иностранцам восточным и западным, к царю и его указам, к птицам в небе и к рыбам в воде. Известно было, что надо делать и чего не надо, как именно работать и какими инструментами, как входить в избу и как в ней стоять. Известно было для всех и навсегда, на правах непререкаемой истины в самой последней инстанции.

А кроме того, обычай определял и эмоциональную жизнь, внутреннее психологическое состояние человека. И в повседневности, и во время любых значимых событий.

Следование обычаю заставляет учиться менять свое внутреннее состояние на «должное». Это ярко проявляется хотя бы во время русской традиционной свадьбы, когда на протяжении нескольких дней изменяется внутреннее состояние невесты и ее подружек; оно должно быть все время таким, какое предписывает обычай.

В первый, ритуальный день девушки оплакивали девичество невесты. Действительно – вот жила себе и жила девушка у батюшки с матушкой в качестве ребенка, члена многодетной семьи. И вот – отдают замуж. Это ведь не как в наше время – по собственному желанию, порой очень пылкому, и, если что-то не так, всегда можно прервать брак, уйти обратно, жить самой. В XVII веке все решают даже не батюшка и матушка, а большак и несколько главных мужчин (не всегда батюшка девицы из них, из решающих, руководителей общины). На втором месте – сговор батюшки и матушки с родителями жениха. Мнение невесты? А оно вообще не имеет никакого значения.

Собственно, и мнение жениха ненамного более важно. В высших классах общества жених еще мог быть спрошен, хочет ли он жениться на той вон девице, которую ему тайком покажут в церкви или из-за забора, в саду. Но не невеста.

Итак, невеста вовсе не идет замуж, ее отдают, что совсем даже и не одно и то же. Звучат грустные, лирические песни, и кое-что из этого репертуара мы и сейчас можем слышать: хотя бы «Матушка, матушка, что во поле пыльно» или «Не шей ты мне, матушка, красный сарафан».

Ведь отдают! Отдают из родной семьи, из родной деревни, отдают навсегда, и не понятно – на какую же судьбу... Дай бог, чтобы на счастливую, чтобы слюбилось... А если нет?! Если будет так, как в других, уже женских деревенских песнях, вроде «Догорай, моя лучина»? И ведь отдают-то навсегда!

Соответствующие выражения лиц, задумчивая печаль в жестах, медленные лирические движения.

Второй день – день церковного венчания. Радость: венчаются! Создается новая семья! Но радость эта тихая, цивилизованная, потому что контролируется церковью. В церкви и вести себя надо сдержанно, и петь – именно петь, а не орать. Это не как на каждом шагу сейчас: «Ах, эта свадьба! Свадьба!!! Сваа-адьба!!!! Пела и плясала-а!!!! А-ааа!!!!»

Так что радость, но без чрезмерности, без обезумения, без впадения в крайность. Радость, передаваемая не столько громким смехом и отбиваемой чечеткой, сколько улыбкой.

Третий день начинается с того, что на забор вешается брачная рубаха невесты... вернее, уже молодой жены. Вся община и все вообще желающие должны убедиться, что она вышла замуж «честной», что муж и его семья не обмануты, что все «по правилам». Как часто молодой муж бывал вынужден ткнуть себя или жену ножом (как-нибудь так, чтоб в незаметном месте, чтобы ранку потом не отследили), мы, наверное, уже никогда не узнаем. Сколько семей не стали счастливыми ровно потому, что муж, может быть, ножом и ткнул, но счел себя и всю свою семью обманутой, этого тем более мы не узнаем.

Вот какое число можно назвать, так это процент невест, которые оказывались «нечестными» вовсе не потому, что посмели быть с кем-то до мужа (вот ужас-то!!!), а в силу чисто физиологических или анатомических особенностей. Таких девиц, у которых отсутствует девственная плева, даже сегодня довольно много – порядка 2 %. У девиц, работавших с детства в поле, таких могло быть еще больше. Их судьба в XVII столетии могла оказаться очень трагичной.

Но была плева или нет, «виновата» невеста или не «виновата», а в любом случае – кровавое пятно должно быть. Чтобы все видели и убедились: невеста была «честной», муж вступил в свои законные права. Только если оно будет, это пятно, свадьба считается состоявшейся уже не только по представлениям христиан, но и по старым языческим понятиям.

Свершился фактический брак, и настало время совсем другой, уже вовсе не цивилизованной радости. Все беснуется, орут, прыгают, пляшут! Разница в поведении такая же, как между литургией и безумным шаманским камланием.

Поются песни, чудовищно непристойные, шокирующие по понятиям цивилизованного человека. Пляшутся пляски, способные вогнать в краску бывалого бабника... В прошлом столетии случалось так, что фольклористы – здоровенные опытные мужики средних лет, вовсе не домашние мальчики и уж тем паче не ханжи, попросту не понимали, о чем поют вполне приличные, вполне патриархальные деревенские женичины. А то и смущались фольклористы, элементарно впадали в тоску от непристойностей, которые по вековой традиции просто полагалось петь и выкрикивать. Ну и чувствовали себя соответственно.

Так что по уменью «двигать душой», управлять своим внутренним состоянием россиянин в традиционной культуре, пожалуй, дал бы еще фору любому современному ханже.

Традиция контролировала, как и к чему человек должен эмоционально относиться. А вся община бдительно следила, как бы его состояние не начало выходить за пределы предписанного. И наказывала, причем вовсе не обязательно физически или наложением штрафов. Человека, который ведет себя «неправильно» – ведет себя не так, как надо, в каждый день брачного обряда, например. Или который не ужасается «поганым», не презирает «латинян», не считает истинными христианами только москвитов, не хочет вести традиционный образ жизни и так далее – такого человека вышучивали, высмеивали, ставя его в положение своего рода коллективного воспитуемого.

Жизнь в маленьких, изолированных от всего мира деревушках, в полной зависимости от природы, не способствует развитию рационального мышления и отвлеченного богословия. Московиты называют себя христианами, и более того – православными, то есть теми, кто правильно славит бога. Для них и «латиняне», и другие православные (например, грузинские или сербские) – страшнейшие еретики и чуть ли вообще не язычники.

Но и язычество вовсе не ушло в прошлое: и в доме, в усадьбе христианина продолжают обитать домовые, амбарники, кикиморы, чердачные, овинники, сарайники, шишиги и так далее и тому подобное. В реках опытные люди замечают русалок, а утопленники могут быть опасны и на приличном расстоянии от реки. В лесу обитает, конечно же, леший, хозяин, и разумный человек непременно принесет ему жертву, если собирается в лес. Ну, и без других призрачных и демонических существ не обходится. В лесу, кроме лешего, могут встречаться потерчата – неприятные существа, в которых обращаются души младенцев, которых не успели окрестить. Потерчата могут завести в болото или защекотать до смерти. Бывают в лесу еще айкалки и волки-оборотни.

Все это, конечно, попросту нечисть, враждебная светлым силам. Но, во-первых, нечисть эта все местная, коренная, известная задолго до прихода христианства на Русь и совершенно неизвестная по Библии.

Во-вторых, отношение к этим существам совершенно не как к нечисти – чему-то поганому и непристойному. Все эти создания занимают свое место в деревенском (и не только деревенском) пантеоне, как и святой равноапостольный Владимир или Никола-угодник. Понизже, конечно, Николы-угодника и Марии-троеручицы (само название вызывает в памяти невольное шестирукое изображение Вишну). Но главное – святые и нечистые принципиально в том же пантеоне и почитаются одними и теми же людьми.

В Московии пережитки язычества оказываются чуть ли не частью официальной религии и поклоняться бесам – дело такое же обычное, как и поклоняться святым.

На того, кто не поклоняется бесам – не гадают в баньке, не оставляет блюдо молока для домового, не боятся русалок, не кидает в лес кусок рыбы для айкалок и оборотней, – на того обрушивается целый шквал презрения, насмешек, пренебрежения, глумления. Если человек не поддается «воспитанию», не начинает исполнять обычая во всей его полноте, общество демонстративно отторгает такую заблудшую овцу.

Обычай начинает «ломаться»

Нет никаких оснований считать, что городское население или общественные верхи хоть чем-то отличаются от крестьян – что они менее суеверны, не в такой степени привержены самым диким обычаям, что они более свободны, не так коллективистски живут и так далее.

Но как раз в XVII столетии общинный быт крестьянства начал давать трещину как минимум по двум важнейшим причинам:

1. Очень во многих местах власть общины ослабевает, и человек становится фактически от нее свободным.

2. Сама община начинает превращаться во что-то совершенно другое; пока трудно сказать однозначно, во что именно.

В XVII веке жизнь общины замкнута только там, где от других людей далеко. Там, где только государство или частное лицо может контролировать жизнь общины, они непременно это делают. Цитадель общинности в ее изначальном смысле, когда община – это Мир, средостение власти и общественной жизни для человека, это окраины страны. Места, где и жить труднее, и от власти московского царя подальше.

Там, где власть центрального правительства покрепче, правительство пытается ограничить общину в принятии решений, в праве распоряжения землей.

В поместьях и вотчинах община тоже, и в еще большей степени, «утесняется» в своих правах; ее «исконные» права все больше присваиваются владельцами земель. Там, где раньше распоряжался выбранный староста или голова, появляется тот же староста, но только назначенный.

Мир отвечает за своевременный сбор «государевых податей», а главная обязанность выборных крестьянских властей – «своевременный и бездоимочный» сбор этих податей. Воеводы же не только понуждают и наказывают тех выборных крестьян, которые «оплошкой и нерадением» допускают недоборы и опоздания в платежах, но и пытаются снимать неудобных людей, ставить на выборные должности более «подходящих».

Правительство назначало для каждого округа только общую сумму подлежащего уплате оброка, а затем посадские и крестьяне должны были сами «верстатися» и «разводить» оброк «промеж себя», сообразно имуществу каждого хозяина: «по животам, и по промыслам, и по пашиям, и по угодьям».

Тут, конечно, две стороны: в дела общины вмешиваются, общину ограничивают... Но, с другой стороны, у общины появляются новые возможности, а самые активные и самые уважаемые крестьяне становятся прямыми помощниками царской администрации.

Как указывал царь, «чтобы крестьянству убытков и продаж не было, а нам бы челобитья и докуки не было, а посадки и волости от того не пустели, велели есми во сех городах и волостех учинити старост излюбленных, кому меж крестьян управа чинити... которых крестьяне меж собой излюбят и выберут всею землею, от которых им продаж и убытков и обиды не было, и рассудити бы их умели вправду безпосульно и безволокитно, и... бы доход оброк собрати умели и к нашей бы казне на срок привозили без недобору».

Это уже не самодостаточная община, живущая в себе и для себя; это уже скорее сотрудничество общины с государством и изменения в самой общине.

Причем и во владениях монастырей и крупных феодалов были элементы самоуправления. В уставной грамоте Соловецкого монастыря, данной Бежецкого верха села Пузырево крестьянам, сказано: «Судити приказчику, а с ним быти в суде священнику да крестьянам пятмя или шестмя добрым и середним».

Спрошу только одно: а чем же эти пять или шесть «добрых крестьян» – да не присяжные заседатели?! Тем, что число людей другое разве что.

В наказе по управлению вотчиной, которую дал боярин Б.И. Морозов в 1651 году приказчику села Сергач Нижегородского уезда, читаем: «И ведать ему крестьян моих и бобылей и судить с старостою и с целовальниками и с выборными крестьяны. А велеть крестьянам всею вотчиною к моим ко всяким делам выбрать 10 человек, крестьян добрых и разумных и правдивых, которым с ним, с приказчиком моим, у дела моего быти... А судить ему крестьян и бобылей вправду, правого виноватым не чинити, а виноватого правым. А где доведется итти на землю у крестьян или на меру, и ему ходить со старостою и с целовальником и с выборными крестьяны и розводить вправду без полноровки и безпосульно...»

Как видно, и тут в общине появляется какой-то новый элемент демократического самоуправления: выборные люди, которых контролирует «общество» и которые несут на себе судебные и административные функции.

На севере и в XVII веке продолжает распоряжаться волостной сход, и этот сход сам ставит должностных лиц, хотя и здесь сход все больше подчиняется надзору воеводы. А самое главное – там, где крестьянство свободно (на севере), община ослабевает еще и из-за того, что укрепляются отдельные хозяйства и становятся активнее, самостоятельнее отдельные люди.

«Московское государство (XVI века) может быть названо самодержавно-земским. С середины XVII века оно становится самодержавно-бюрократическим», – так писал М. М. Богословский в своей замечательной, давно не переиздававшейся книге.

Земский строй слабеет за счет государства, но даже там, где у государства не доходят руки, общинность все равно ослабевает. А ведь демократия, самоуправление возникают именно там, где слабы и община, и государство. На севере – на Вологодчине, в Каргополье, в бассейне Северной Двины, от Холмогор до Архангельска – там ослабевает первобытная община, но там слабо и средневековое государство...

Александр Исаевич Солженицын восхищался швейцарской «демократией, прямо вытекающей из традиций общины», считая ее самой совершенной и, так сказать, самой «народной». В представлении современного россиянина община и демократия есть две вещи, никак не совместные. Но совершенно прав Александр Исаевич: вся европейская демократия выросла из вот таких общинных и послеобщинных форм самоуправления. Сначала были территориальные общины, умевшие выбрать для самих себя и из собственной среды «добрых и излюбленных» управителей, а потом уже и в масштабах государства появилась «палата общин» (так ведь и называется, как назло!).

Констатирую факт: в Московии XVII века все более укрепляется именно такая «низовая» демократия; общины все активнее принимают на себя функции низовых органов управления.

Напомню еще раз, что эти все процессы идут не в городах, в среде высоколобых интеллектуалов и богатых людей, а как раз в основной массе тогдашних москвитов, в крестьянстве.

Крепостное право

В представлении современного человека «государственные крестьяне» – это вообще такие же зависимые люди, как и владельческие, только принадлежат они не частным лицам, а государству. Положение их, может быть, и полегче, потому что они имеют дело с безличным государством, а не с радеющим о своей пользе помещиком, но и только. Точно так же само слово «крестьянин» вызывает ассоциации с бесправием, униженностью, поркой на конюшне и барицной.

Поэтому нам трудно до конца осознать, что же такое черносошные крестьяне и чем крепостное право XVII века отличается от того, с которым мы имеем дело, говоря о временах «матушки Екатерины».

Суть же дела в том, что если придавать слову «крестьянин» это значение униженности, то черносошные крестьяне – это вообще никакие не крестьяне. Это свободные сельские обыватели, которые пахут землю не потому, что их кто-то принуждает, а потому, что в аграрном обществе это самое выгодное занятие и совсем неплохой способ кормиться.

Точно так же они объединены в общины постольку, поскольку им это выгодно, и до тех пор, пока им это удобно и выгодно.

Они лично свободны, совершенно не согнуты в покорности. Их зависимость от государства – не рабское состояние, а способ включиться в некую государственную корпорацию.

Они ведут свои торговые операции и промыслы, как сами считают необходимым, накапливают богатства, и в их среде усиленными темпами произрастает самый натуральный капитализм. Из среды черносошных крестьян вышли такие богатейшие купеческие фамилии, как Босые, Гусельниковы, Амосовы, Строгановы (те самые: «спонсоры» Ермака, организаторы завоевания Сибирского ханства).

То значение, которое часто придается слову «крестьянин», в XVII веке совершенно отсутствовало. Эта принадлежность к общественным низам, зависимость и «маломочность» в XVII веке ассоциировались разве что со словом «бобыль» или даже «холоп».

В XVII столетии крестьянин был если и ограниченным в правах, то все же подданным царя, а никак не простым рабом барина. Это касается даже владельческих крестьян, сидев-

ших на землях поместий и вотчин, а уж крестьяне церковные, дворцовые и черносошные тем более не имели ничего даже общего с рабами.

Церковные, понятно, сидят на землях монастырей.

Дворцовые, или крестьяне государевы, жили общиной, управлялись дворцовыми приказчиками, но сохраняли выборных старост и по своему положению были ближе к черносошным, чем к владельческим.

Черносошные крестьяне сидели на «государевой земле», то есть на вольных землях, и жили своими общинами. Они и впрямь не были вполне вольными людьми: правительство контролировало выполнение ими своего тягла. Впрочем, уже в IV веке по Рождеству Христову в Римской империи колонны и сервы далеко не всегда могли свободно уйти с занимаемой земли. Из этого вовсе не следовало, что они становятся частными или государственными крепостными, отнюдь! Они были «крепки земле» и не должны были с нее уходить, не оставив вместо себя заместителя, и только.

Почти так же и современное государство, вкладывая во что-то деньги, старается потратить их не зря: вводит систему лимитной прописки, ограничивает выезд за границу тех, кто столкнулся с государственными тайнами, требует, чтобы получившие бесплатные дипломы отработали по распределению и так далее. Говоря откровенно, я не вижу здесь крепостничества, хотя и вижу некоторые ограничения прав и свобод.

Так же точно и черносошные крестьяне-домохозяева, входившие в тяглые «общества» и записанные в податные списки «тяглые и письменные люди», были прикреплены к своим обществам и не могли покидать своих дворов и земельных участков, не найдя заместителей.

Ограничения свободы – налицо. Но Ключевский полагал, что «такое прикрепление, разумеется, не имело ничего общего с крепостным правом», и с ним остается согласиться.

«Закрепощался» только сам тяглец-домохозяин. Каждый крестьянский двор представлял собой что-то вроде небольшой артели, состав его был куда как разнообразным и сложным. Кроме хозяина, там жила огромная семья – очень часто вплоть до внуков и правнуков, и родственники или работники – «захребетники», «суседи», «подсуседники». Положение «закрепощенного» большака было для них крайне престижным. Если бы большак захотел, он без малейшего труда поставил бы вместо себя кого угодно из этой «меньшой братии», а сам стал бы «свободным» человеком.

Что же до самой этой «братии», живущей в хозяйстве кроме большака, то она была свободна как ветер, и никому не пришло бы в голову удерживать любого из них, вздумай уйти хоть все, хоть по одному все «суседи» и «подсуседники». Разве что сам глава этой патриархальной крестьянской артели, большак, огорчился бы временному отсутствию рабочей силы.

Среди черносошных крестьян были и весьма богатые крестьяне, занимавшиеся не только земледелием, но и торговлей и разными промыслами; обычно они пользовались наемным трудом. Были «среднезажиточные», а были совсем «маломочные». Известны и «половинники», то есть батраки, обрабатывавшие чужую землю за часть урожая.

Кроме собственно крестьян-тяглецов, в черносошных общинах жили еще так называемые «бобыли» – обычно ремесленники или наемные работники, то есть сельское население, но не тяглое; те, кто изначально земли не пахал.

Были, правда, и «пашенные бобыли», владельцы небольших участков земли. Само их существование доказывает: землю можно было купить и продать. Иначе откуда бы взялась земля у «пашенных бобылей»?

Впрочем, М.М. Богословский давно и совершенно определенно писал: «Владельцы черной земли совершают на свои участки все акты распоряжения: продают их, закладывают, дарят, отдают в приданое, завещают, притом целиком или деля их на части».

Этот крестьянский капитализм зашел так далеко, что возникли своего рода «общества на паях», союзы «складников», или совладельцев, в которых каждый владел своей долей и мог

распоряжаться ею, как хотел: продавать, сдавать в аренду, подкупать доли других совладельцев, а мог и требовать выделения своей доли из общего владения.

М.М. Богословский писал: «В северорусской волости XVII века имеются начала индивидуального, общего и общинного владения землей. В индивидуальном владении находятся деревни и доли деревень, принадлежащие отдельным лицам, на них владельцы смотрят как на свою собственность: они осуществляют на них права распоряжения без всякого контроля со стороны общины. В общем владении состоят и земли, и угодья, которыми совладеют складничества – товарищества с определенными долями каждого члена. Эти доли – идеальные, но они составляют собственность тех лиц, которым принадлежат, и могут быть реализованы путем раздела имущества или частичного выдела по требованию владельцев долей. Наконец, общинное владение простирается на земли и угодья, которыми пользуется как целое, как субъект... Река с волостным рыболовным угодьем или волостное пастбище принадлежит всей волости, как цельной нераздельной совокупности, а не как сумме совладельцев».

Право же, тут только акционерного общества и биржи не хватает! Или до этого просто не успело дойти дело?

М.М. Богословский сравнивает положение черносошных на Руси и положение вольных крестьян-бондэров, или бондов, в Норвегии, вольных бауэров в Германии, находя множество аналогий.

Со своей стороны, автор только хотел бы смиренно напомнить, что север Московии – это коренные земли Великого Новгорода. И что Великий Новгород и в XIV, и в XV веках, до самого своего убийства Москвой, развивался как одна из циркумбалтийских, то есть «вокруг балтийских», цивилизаций.

И этих крестьян очень много: более 50 тысяч дворов, то есть патриархальных артелей, а всего никак не меньше полутора миллионов человек.

Причем не только ведь на севере, но и в центре Московии, в самом сердце Великороссии, в XVII веке есть черносошное крестьянство. Солидный советский справочник отрицает это: «К середине XVI в. Ч.к. исчезли в центр. р-нах страны, но сохранились на севере».

По этому поводу я только позволю себе привести такой небезынтересный эпизод: в 1634 году был случай, когда часть из отличившихся во время Смоленской войны правительство решило сделать помещиками. Но крестьяне, жившие возле Арзамаса (далеко не север!), не захотели становиться владельческими и прогнали незваных помещиков дубьем.

Здесь много чего можно спросить, в том числе: что же это за профессиональные воины, которых мужики гонят дубьем? И что же это за героические крестьяне? Но в любом случае факт любопытнейший, и я совершенно не допускаю мысли, что составители Большой советской энциклопедии не знали бы этой истории и что они не слыхали ничего про вольных крестьян центральной Великороссии. И потому вопрос имеет смысл задавать только один: кому в 1978 году до такой степени не хотелось, чтобы россияне знали бы не мифы, а свою настоящую историю?

На севере, правда, черносошных несравненно больше; есть даже такое понятие, как «черносошные волости», то есть обширные области, где владельческих крестьян вообще нет, все исключительно вольные. В центре страны все это не совсем так, черносошные и владельческие крестьяне живут чересполосно, но, во-первых, вольные «государевы хрестьяне» там тоже есть. А во-вторых, положение владельческих крестьян не так уж сильно отличается от положения черносошных.

То есть отличается, конечно, и в худшую сторону, даже притом, что государственные подати владельческих крестьян значительно меньше, чем у черносошных, но ненамного. Суммарно же они платят больше.

Но главное, государство и после Уложения 1649 года не отказывается видеть во владельческих крестьянах своих подданных: они платят государевы подати, они не лишены лич-

ных прав; помещикам запрещается «пустошить» свои поместья; правительство не отказывалось от своего права наказывать злоупотребления помещичьей властью.

Был, например, случай в 1669-м, когда «великий государь указал стольника князя Григория Оболенского послать в тюрьму за то, что у него в воскресенье на дворе его люди и крепостяне работали черную работу да он же, князь Григорий, говорил скверные слова».

Не сомневаюсь, что после этого случая не один помещик говорил «скверные слова» в адрес правительства, но ведь случай очень назидательный!

Владельческие крестьяне были кем угодно, но не рабами, их «крепость земле» вовсе не означала одновременной «крепости владельцу». Помещики и владельцы вотчин нарушали права владельческих крестьян – продавали их без земли, меняли на холопов, разбивали семьи. Историки справедливо отмечают, что таких случаев становится больше только к самому концу XVII столетия. По мнению В.О. Ключевского, это признак нарастающего закрепощения, симптом того, что все идет к полному превращению владельческого крестьянина в вещь. И боюсь, что это один из тех пунктов, по которым невозможно согласиться с В.О. Ключевским.

Потому что, во-первых, нарушались и нарушаются права самых различных людей, и вовсе не одних владельческих крестьян на Руси XVII века. Недавно, например, мои права нарушил один очкастый чмырь, напечатавший в газете мой рассказ под своей фамилией (думал, наверное, что я об этом так и не узнаю). В те же сложные времена права даже людей из феодального сословия мало чем были защищены и нарушались очень часто.

В конце концов, это не кого-нибудь, а самого что ни на есть натурального Патриарха всея Руси велено было считать рядовым монахом и отправить в дальний монастырь в ссылку, когда он вошел в конфликт с Алексеем Тишайшим. В конце концов, не кого-нибудь, а боярыню Морозову и княгиню Урусову сгноили в земляной тюрьме в Боровске – двух женщин, и по рождению, и по фамилиям мужей принадлежавших не просто к дворянству, а к высшей феодальной аристократии и лично знакомых с царем.

Я специально привел примеры бессудной расправы, совершившейся по личному приказу царя, те случаи, в которых не очень понятно, о чем идет речь, – не о пресловутом ли нарушении прав?

Что ж удивляться тому, что права владельческих крестьян время от времени оказывались нарушены?

Во-вторых, каждый случай такого рода нарушения был не случаем обычной повседневной практики, а актом нарушения закона – со всеми вытекающими последствиями. И помещик, разлучивший супругов, чтобы похуже добратся до понравившейся ему молодки, и вотчинник, менявший крестьянина на холопа, очень хорошо знали, что они преступники и что, если они не поберегутся, их действия вполне могут иметь для них же самих весьма плачевные последствия.

Правительство таких и ссылало, и секло кнутом, и, уж во всяком случае, отнимало поместья, а с ними – и средства к существованию и общественному положению. Потому что закон владельческого крестьянина защищал.

В-третьих, служилое сословие, конечно, наращивало масштаб эксплуатации крестьян, сидевших на их земле, и, наверное, очень хотело бы получить полное право владения крепостными, как античными рабами. Но осмелюсь утверждать, что никакой «исторической неизбежности» в таком повороте дел вовсе не было. Была возможность, но и только.

Весь вопрос и состоял в том, каким образом распорядится страна сама собой на крутом повороте истории. Только от этого зависело, что станет с владельческими крестьянами – получат ли они свободу, и на каких условиях, или останутся «в крепости»? И тоже еще вопрос, в какой именно крепости – в крепости земле или владельцу?

Посадские люди

В Московии XVII века жизнь горожан очень мало отличается от жизни крестьянства. Горожан обычно называют «посадскими людьми» – от слова «посад». Посадами в Средневековье называли неукрепленную часть города; посад было то же самое, что и «подол», лежащий ниже укрепленной «горы», места обитания знати. Посадами называли и города, с самого начала не имевшие укрепленной части.

Посадские люди – это и купцы, и ремесленники, и мелкие торговцы. Слова «мещанин» в Московии нет и никогда не было, оно появится в конце XVIII века, принесенное из Западной Руси.

Только не надо думать, что всякий город на Руси – это место обитания посадских! Во многих городах, особенно на юге страны, близ Дикого Поля, есть города, где вообще посадских нет; по переписи 1668 года таковы Орел, Кромь, Рязьск, Шацк, Севск, Мценск, Оскол, Тамбов, Изборск и многие другие. Живут в них только государевы служилые люди.

Конечно, важнейшим торговым центром была Москва, а кроме нее – Новгород, Астрахань, Псков, Ярославль, Вологда, Кострома, Нижний Новгород, Торжок и другие. Но легко заметить: все эти города, кроме богатеющей на торговле с Востоком Астрахани, – все это города центра и севера Московии.

И на посадах занимаются сельским хозяйством. Огороды, конечно же, имеют все, даже в Москве. Но в маленьких городках не только разводят огороды, но и пахут землю, и сеют хлеб многие ремесленники, потому что труды их рук плохо кормят. Не потому, что эти люди малоискусны и недостаточно трудолюбивы, а потому, что страна еще мало живет разделением труда и обменом. Слишком многое делается там же, где потребляется; люди мало продают и покупают, и у них обычно мало денег. Характерен их обычай завязывать деньги в пояс, класть в шапку или даже совать за щеку. С большими суммами так поступать нельзя, но кошелек-калита есть только у богатых купцов. У остальных людей так мало денег, что им и кошелек еще не нужен; им вполне хватает поясов, шапок и собственных ртов.

Сами деньги большие, с неровными краями, выкованные на наковальне кузнецом. Поэтому монеты того времени совсем не такие стандартные, как их современные сестры, и не такие «красивые». В них важнее то, что они одинакового веса: монета ценится не тем, что на ней написано, а весом. И у правительства всегда есть соблазн – написать на монете большее достоинство, чем в ней содержится металла. Скажем, выпустить копейку, в которой не 7 граммов серебра, а только 5. Вроде бы копейка и копейка, а на самом деле правительство наживает на этой не слишком честной операции приличные денежки. Называется это «порча монеты», и время от времени такие вещи происходят.

Жители посадов, даже маленьких, живут свободнее и интереснее крестьян. Они зарабатывают на жизнь более разнообразными способами, у них гораздо больше впечатлений, и они несравненно меньше зависят от погоды. Наконец, у них водятся деньги, а в деревнях денег почти нет, да они и не особенно нужны.

Положение в обществе и образ жизни купцов просто невозможно сравнить с образом жизни даже богатых крестьян.

Но посадские люди – вовсе не горожане, которые отличаются от остального населения страны своими правами и обязанностями; не индивидуалисты и не самостоятельные люди, которые могут делать все, что хотят. У них нет общин, к которым человек принадлежит просто по факту рождения. Но все они входят в объединения-корпорации – в слободы. Если город большой, слобод много и слобода большая, она может разделиться на сотни и полусотни. Каждый купец и каждый ремесленник входит в «свою» слободу и сотню. Он всегда знает, кто еще входит в корпорацию и кто у них в корпорации главный.

Города в Московии – вовсе не те места, где живут горожане-граждане. Посадские люди – такие же забитые и бесправные, как в деревнях. С одной стороны, они ищут защиты у своего государства, если их «обижают» – например, если «уездные людишки», «государевы хрестьяне» начинают их теснить: строить дома «на посадах», держать там лавки и заниматься ремеслом. Сами по себе такие попытки очень интересны – получается, что есть в Московии крестьяне и достаточно активные, и достаточно «капиталистские», чтобы легко выйти в «посадский люд».

Но посадские, конечно же, хотят прекратить конкуренцию! И не только с богатыми крестьянами, но и с жителями «белых» слобод. Дело в том, что и монастыри, и отдельные феодалы до 1649 года, до Соборного уложения, могли владеть такими слободами. Жители «белых», частновладельческих слобод занимаются теми же ремеслами и торговлей, что и жители «черных» слобод, тянувших тягло государево. Но ведь жители «белых» слобод не платили податей государству! И оказывались в очень выигрышном положении, могли легко конкурировать с «черными» посадами.

Государство охотно подыграло верным слугам, доносившим на менее верных, и по Соборному уложению 1649 года все «белые» слободы «велено было взять за Государя». Речь шла о прямом перекалывании денег из кармана тех, кто строил эти слободы, вкладывал в них деньги, в карман государства: «потому не строй слобод на государевой земле».

А для жителей «белых» слобод речь шла об исчезновении последнего островка свободы. Потому что государство включило их в число тяглых людей и другой своей державной рукой постановило: посадские должны были «тянуть тягло». Теперь они не имели права самовольно выходить из посадов, не могли продавать своих домов и лавок нетяглым людям.

К тому же в Московии посадских очень мало в сравнении с крестьянами, даже таких тяглых посадских людей.

В Москве есть богатые купцы, ворочающие десятками тысяч рублей – сказочные деньги для времен, когда за рубль покупали корову, за два или три рубля – избу. Но сколько таких купчин? По мнению Василия Котошихина, «близко 30 человек». Остальные, менее богатые, объединены в «суконной сотне» и в «гостиной сотне», а всего их порядка 200–250 человек. Эта цифра, конечно, показывает число глав больших семей, своего рода «большаков» купеческого звания. За каждым таким «большаком» стоят десятки членов его семьи. Вся мужская часть этой семьи помогает главе, как-то участвует в деле. Но и это дает цифру в несколько тысяч человек на всю огромную страну.

«Меньшие» же посадские люди на Москве и в провинциальных городах, все эти мелкие купчики и ремесленники с достатком и без достатка в своих «сотнях» и «слободах» не достигают и числа 300 тысяч. Это – на всю страну с ее 12–14 миллионами населения. Посадские – это исключения среди «правил», среди крестьян.

Московское государство использует посадских людей не только как уплатчиков государевых податей. Это государство имеет обширнейшее хозяйство со множеством натуральных и денежных податей, сборов, системой казенной торговли. Государство нуждалось во множестве сборщиков, таможенных голов и целовальников. Казалось бы, ну кто мешал завести целую армию специальных чиновников?! Не мешал-то совершенно никто, но ведь чиновникам надо платить...

А тяглые посадские общества были обязаны поставлять правительству кадры бесплатных, и притом достаточно квалифицированных, умеющих писать и считать работников: таможенных голов, целовальников, сторожей, извозчиков. Целовальник – это тот, кто давал клятву на своем нательном кресте – целовал крест. Такую клятву россиянин практически никогда не нарушал, боясь погубить свою душу.

Вся эта армия добровольных временных чиновников, помощников государства, занималась сбором пошлин таможенных и проездных на мостах и перевозах, разных натуральных

платежей, заведовала казенными промыслами – винными, хлебными, соляными, рыбными и так далее, торговала казенным товаром, а до того собирала его, сортировала, везла и распределяла...

Со стороны правительства это был способ получить даровые услуги от посадских, но для самого населения это оборачивалось своего рода кооперацией с правительством, такой же, какая была свойственна для уездного населения.

Впрочем, материальных выгод посадским от этого не было никаких, а, наоборот, было сплошное разорение – ведь пока «правились служба государева», их собственные нехитрые, но требующие постоянного внимания дела и хозяйства только приходили в упадок.

Без ненужных комментариев приведу кусок челобитной, поданной во время Азовского собора 1642 года: «...а мы, сироты твои, черных сотен и слобод старостишки и все тяглые людишки ныне оскудели и обнищали... и от даточных людей и от подвод, что мы, сироты твои, давали тебе, государю, в Смоленскую службу, и от поворотных денег, и от городского земельного дела, и от твоих государевых великих податей, и от многих целовальничьих служб, которое мы тебе, сироты, служили... И от тое великие бедности многие тяглые людишка из сотен и из слобод разбрелися розно, и дворишка свои мечут».

Служилые люди

Высшие позиции в обществе Московии занимали вовсе не владельцы земель, не капиталисты и не обладатели привилегий. Да ведь и нет почти ни у кого капиталов и земель, ни особых привилегий.

Высший класс общества составляют те, кто непосредственно служит государству, – служилые люди. Слой этот очень неоднородный, между его группами очень много различий.

Резко отличаются друг от друга владельцы вотчин – земельных владений, которые перешли к ним «от отца» и которые нельзя отнять ни при каких обстоятельствах. И основная масса служилого класса – помещики, те, кому земли даются во временное держание, «по месту».

Всем дают разное количество земли, и могут давать пожизненно, а могут на сколько-то лет – на десять или двадцать. Если служащий получает повышение, ему должны дать еще земли. Если там, где у него поместье, больше земли нет, приходится дать ему другое поместье, побольше, но в другой части страны. Если служивый человек ведет себя плохо, приходится отрезать часть земли, и это вызывает ничуть не меньшие проблемы. И уж совсем неразрешимый вопрос: что делать, если у помещика не один сын, а трое? Тогда ведь придется двух сыновей «верстать землей в отвод», давать им отдельные поместья. Тогда только один из сыновей остается с отцом в поместье; по идее, он должен дожидаться смерти отца и стать помещиком после него.

Поместья все более становились наследственными владениями; одряхлев, помещик обычно «бил челом» в Поместном приказе, чтобы государь «пожаловал» его за службу и за раны, велел бы «оставить» его поместье за сыном, а если сына нет – то за зятем, племянником, которому «его государеву службу править мочно». Такие просьбы обычно исполнялись, если не было веских причин поступить иначе.

Поместье давалось для того, чтобы человек мог выставить сколько-то вооруженных людей и принимать участие в войнах, ведомых государством. По Уложению о службе 1556 года со ста четвертей земли помещик должен был выставить одного вооруженного всадника. На эту норму и ориентировались дьяки Разрядного и Поместного приказов, рассчитывая, какую частную армию должен содержать каждый помещик.

Каждые три года помещик должен был являться на смотр, показывать дьякам Поместного приказа, какие силы он подготовил, так сказать, подтверждать свое право на

поместье. Не слишком часто, но случалось, что неспособных вести хозяйство и обеспечить нужное число воинов поместий лишали.

В низах военного сословия, среди дворянства и детей боярских сталкивается множество различных групп: кто побогаче, кто победнее, кто позначительнее, а кто впал в ничтожество. Многие различия вообще не очень понятны без длительной подготовки, без того, чтобы вникать во множество деталей – хотя бы различия между дворянами и детьми боярскими.

Дети боярские происходили от измелывавших боярских родов, от вторых и третьих детей бояр, которым не досталось вотчин, от лично свободных слуг бояр и князей. Дворяне же порой вели род от лично несвободных слуг бояр, и родословные у них были не такие древние; среди дворян много было незнатных людей. И притом, что реальное положение у этих двух групп совершенно не различалось, дети боярские считались занимающими более высокое положение.

Для детей нашего рационального века даже как-то и не понятно, в чем различия (если уж и экономически, и юридически нет никакой разницы), но люди XVII века тонко находили эти различия; в некоторых случаях они оказывались довольно серьезными. Например, во время царской свадьбы дети боярские «берегли путь Государев» – когда царя и царицу венчали в соборе, следили, «чтоб между государева коня и царицыных саней не переходил никто». А дворяне такой чести удостоиться не могли бы никогда.

И уж конечно, столичное дворянство сильно отличается от провинциального, слуги государства занимают совсем не такое же положение, какое – слуги бояр и князей. Столичные «чины» – стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы – составляют царскую гвардию, служат офицерскими кадрами для провинциальных отрядов, несут службу при царском дворце, исполняют различные поручения высших сановников, а то и самого царя.

В провинции главную массу служилых людей составляли «родовые» (то есть потомственные. – А.Б.) дворяне и дети боярские.

Для крестьян, конечно, все группы служилых людей – это социальное «поднебесье». Это те, кого правительство велит «его помещика слушати и пашиню на него пахати и доход ему помещиков платити». Не зря же на всех служилых людей распространяется слово «боярин», на которое вообще-то абсолютное большинство служилых не имело никакого права. В чем нет совершенно ничего специфически русского – точно так же и в Западной Европе для всякого простолюдина всякий феодал становился «сиром», «сэром», «синьором».

Но это – для крестьянина, волей-неволей смотрящего снизу вверх. Но по отношению к настоящим боярам и с точки зрения государства все эти «худые смиренные холопы», Ивашки и Мишки, – точно такие же рабы, двунюгая собственность, как и сами крестьяне. Под угрозой кнута, конфискации поместий, «слова и дела», ссылки в Сибирь, лишения всех прав по единому подозрению в «неустройстве» и «нерадении» они должны были с 15-летнего возраста и до глубокой старости «за его государеву честь» переносить голод, холод, все тяготы походов, увечья и «полонное терпение».

Вообще-то, если не брать бытового слова «боярин», то настоящим боярином, по закону, был даже не тот, кто владеет вотчиной, а только тот, кто владеет думским чином «боярин» и входит с другими боярами в совсем маленький, узкий слой, – буквально несколько десятков человек.

Но даже и на самом верху военно-феодалного, служилого сословия, в той же Боярской думе, среди владельцев вотчин, в сообществе потомков старинных родов тоже нет единства и равенства положений. И здесь тоже каждый в чем-то выше или ниже другого, пусть на самую маленькую, с трудом уловимую ступенечку. Они – заседавшая в Боярской думе высшая аристократия страны – вовсе не были равны друг другу. Думный боярин был выше окольничьего. При этом бояр и окольничьих никогда не было много, самое большое – человек 50. Кроме них, в Думу входило несколько думных дворян (конечно же, стоявших несравненно ниже самого

захудалого окольного) и три или четыре думных дьяка, возглавлявших самые важные приказы.

Несколько десятков знатнейших фамилий, не более сотни, потомки удельных князей, цепко держались за свои привилегии, и иерархия разделяла даже эти несколько сотен, от силы тысяч человек – высшую аристократию всего служилого сословия.

На самом вершине этой иерархии самых верхов – шестнадцать знатнейших фамилий, члены которых поступали прямо в бояре, минуя чин окольного: Черкасские, Воротынские, Трубецкие, Голицыны, Хованские, Морозовы, Шереметевы, Одоевские, Пронские, Шеины, Салтыковы, Репнины, Прозоровские, Буйносовы, Хилковы, Урусовы. При формировании Боярской думы царю было совершенно невозможно обойтись, по крайней мере, без «большаков» этих семейств, а порой в Думе скапливалось и по несколько их представителей. Несправедливо? Не в большей степени, чем палата лордов, например.

Причем и в нашем, таком «демократическом» на вид обществе есть свои ранги, которые тоже показались бы дикими боярину XVII века. Скажем, огромная важность денег, материального богатства показалась бы ему просто неприличной. Ни знатность рода, ни другие важные для него параметры совершенно не зависели от денег.

Некоторые из этих фамилий хорошо знакомы читателям: Голицыны, Одоевские, Шереметевы, Трубецкие – интеллигентные семьи, они дали многих славных представителей в разных поколениях, в разные периоды русской истории. Салтыковы известны разве что Петром Семеновичем Салтыковым, победителем Фридриха Великого в Семилетней войне, ну и, конечно, Дарьей Салтыковой, знаменитой «Салтычихой». Морозовы совершенно невыразительны после Бориса Ивановича Морозова, воспитателя и близкого друга царя Алексея Михайловича. Остальные же фамилии остались в истории ровно потому, что это фамилии «Рюриковичей» и «Гедиминичей». Представители же этих семей были и остались людьми совершенно невыразительными, скучными, не совершили никаких личных поступков, за которые их следовало бы помнить.

Каждый знатный род – и эти шестнадцать, и остальные сто, чуть ниже рангом, – очень хорошо знал, какого рода он выше или ниже, какими княжествами и какими уделами владели их предки и какое место подобает им занимать в этой иерархии высших. Потомки служилых московских князей считались выше потомков удельных князей. Потомки удельных князей были выше «простых» бояр, без титулов. Московские великокняжеские бояре считались выше удельных. Потомки старшего сына «главнее» потомков младшего, и, уж конечно, огромное значение имела сама по себе древность рода.

Конечно же, каждый аристократ прекрасно знал, «выше» или «ниже» каких семей должны сидеть его представители в Боярской думе и на пирах. В данном случае «выше» и «ниже» означает одно – ближе к царю или дальше. А кроме того, все знали, на какие должности они могут рассчитывать.

Считалось чудовищной несправедливостью, если «худородный» назначался начальником «высokородного», а представитель рода «молодшего» получал должность раньше, чем представитель рода «доброго». Если царь допускал такую несправедливость, боярин «бил челом», просил исправить неувязку и делал это с полной уверенностью в своей правоте. Обычно царь и «исправлял», причем под сильнейшим давлением своего ближайшего окружения. Ведь в ценности местничества были уверены практически все!

Если какой-то опрометчивый боярин или целый род нарушал правила местничества, в ход могли пойти и посохи – увесистые палки, на которые опирались бояре, и даже «ножные мечи» – ножи, которые носили «за сапогом», за голенищем. Можно сколько угодно смеяться над пожилыми, толстыми боярами, таскавшими друг друга за бороды или учинявшими поножовщину непосредственно в Думе, но следует признать – за их поведением стоит совершенно

железная логика. Эта логика совсем другая, чем у нас, у их отдаленных потомков, но логика-то ведь есть!

Знать Московии не верила в существование выдающихся личностей, а семейные достоинства напрямую связывала с «породой», ну и действовала соответственно.

Все чины и должности, которые занимали представители знатнейших родов, вписывались в Разрядные книги. Чуть возникали какие-то сомнения, всегда можно было выяснить, какие чины и должности занимали прадеды и прапрадеды тех, кто сейчас на них претендует. А чины и назначения предков, понятное дело, были прецедентами, чтобы дать такие же потомкам.

В итоге царь мог «пожаловать боярами» выходцев из средних служилых слоев – например, Ордин-Нащокина или Матвеева. Но и эти талантливые выдвигенцы сидели «ниже» представителей старинных родов, далеко не всегда они могли получить назначение на должность, к которой, может быть, и были особенно способны.

В местничестве очень хорошо проявлялся точно такой же способ мышления, как и в крестьянской среде. Действие местничества доказывает, что верхи общества принципиально думали точно так же, как и низы. Бояре точно так же, как крестьяне, жили даже не семейными, а скорее родовыми ценностями. Если человек принадлежал к роду Долгоруких, Голицыных или Вяземских, эта принадлежность с точки зрения всего общества была несравненно важнее его личных качеств. В существование выдающихся личностей предки, что поделаться, не верили, да к тому же в родах тоже были свои «большаки», железной рукой державшие семейную власть и представлявшие род во внешнем мире. Всю жизнь человек, каких бы чинов он ни удостоивался, занимал в роду подчиненное, второстепенное положение и вполне мог никогда и не стать главой рода.

Вся жизнь знатного боярина определялась в наименьшей степени его талантами или его личными заслугами и почти полностью – принадлежностью к роду и его местом в этом роду.

Поэтому огромное значение приобретали выяснения, происходит ли боярский род от старшего или от среднего сына князя Лычко, вышедшего из Литвы в XIV столетии. Потомки старшего сына приобретали право сидеть на одного человека ближе к царю, чем потомки среднего, и получали пусть незначительное, но преимущество при назначении на любые важные должности.

И получается, что в верхах общества, в среде знатной и порой сказочно богатой аристократии, в среде, объединявшей буквально несколько тысяч влиятельнейших людей Московии, царят те же нравы, что и в среде московитского крестьянства, почти не ушедшего от первобытнообщинного строя.

Последствия же для управления страной получались различные. С одной стороны, система становилась куда стабильнее, постояннее, чем в странах, где активные люди могли что-то изменять, добиваться личного успеха. С другой... Как писал бывший подьячий Посольского приказа Котошихин, «многие бояре на спрос государев, брады свои уставя, ничего не отвечают, потому что возводит их Государь в Думу не по уму их, а токмо по великой породе».

На другом полюсе служилого населения – регулярные части «служилых людей по прибору», те, кто «прибирались» из низших слоев населения и жили с семьями в подгородных слободах (стрелецкая, ямская, пушкарская, казацкая слободы).

За службу они не получают поместий с крепостными, но получают землю – порой не только под огороды и сады, но и под хлеб, а главное, получают денежное и хлебное жалованье. За это они должны в любой момент быть готовы выступить в поход, но в мирное время правительство не очень мучит их сборами или учебой. «Служилые люди по прибору» занимаются торговлей, ремеслом, составляя конкуренцию посадским, тем более что жалованье выдается им не особенно регулярно.

Таковы стрельцы, которых в одной Москве 20 полков по тысяче человек и еще не менее 10 тысяч в важнейших городах и в приграничных крепостях. Это отряды пушкарей, казаков и войска, которые мы сейчас назвали бы «частями технического обеспечения»: ямщики для почтовой службы, плотники и кузнецы, воротники, затинщики, которые ставят и охраняют «тыны» крепостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.